

В. Г. Белинский

Жертва... Сочинение г-жи Монборн

Виссарион Григорьевич Белинский

Жертва... Сочинение г-жи Монборн

«...Женщина должна любить искусства, но любить их для наслаждения, а не для того, чтоб самой быть художником. Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женою и матерью, ибо самолюбие не в ладу с любовью, а только один гений или высокий талант может быть чужд мелочного самолюбия, и только в одном художнике-мужчине эгоизм самолюбия может иметь даже свою поэзию, тогда как в женщине он отвратителен... Словом, женщина-писательница с талантом жалка; женщина-писательница бездарная смешна и отвратительна.

И должно ли, и может ли это оскорблять женщину? Все прекрасно и высоко в пределах своего назначения...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Жертва... Сочинение г-жи
Монборн**

ЖЕРТВА. Литературный эскиз. Сочинение г-жи Монборн. Перевод с французского Z... Москва. В типографии Н. Степанова. 1835. 300. (12).

В последнее время в Европе, или, лучше сказать, во Франции (а это почти одно и то же) глухо начал раздаваться какой-то ропот против священнейшего гражданско-религиозного установления – брака; начали обнаруживаться какие-то сомнения насчет его законности и даже необходимости; теперь этот ропот превратился в какой-то неистовый вопль, а сомнения начали предлагаться во всеуслышание, в виде какой-то аксиомы. Теоретических доказательств нет, да, благодаря нелепости этой мысли, и не может быть; итак, прибегли к другому способу, к практическому, и избрали орудием *искусство*, которое во Франции никогда не существовало само для себя, но всегда служило каким-нибудь внешним, практическим целям. И вот, начиная с первых корифеев французской литературы[1] до нищенской литературной братии, все, тайно или явно, вооружились против брака, у всех, в основании каждого произведения, начала пробиваться эта *arriere-pensee*[2]. Но женщины-писательницы, главою которых явилась знаменитая Жорж Занд и которых во Франции так же много, как на Руси бездарных сти-

хотворцев и романистов, женщины-писательницы, говорю я... но постойте... позвольте мне на минуту уклониться от материи... я страх как люблю отступления; это мой конек...

Что такое женщина-писательница? Женщина имеет ли право быть писательницею?

Вопрос очень не новый: его предлагала и решала еще покойница бабушка мадам Жанлис, которая, как всем известно, была из самых задорных писательниц. Брюзгливая старушка (я не умею представить ее иначе, как под формою старой брюзги) сказала и доказала (не помню, где именно), что авторство ни в каком случае не есть дело женщины{1}. Поистине беспримерное самоотвержение!.. Впрочем, может быть, в этом случае ей хотелось упрочить за собою литературную монополию, и потому мы вправе ей не поверить и рассмотреть этот вопрос по-своему.

В мире все имеет свое назначение, все прекрасно в пределах своего назначения и дурно вне его; это вечный, неизменяемый закон провидения. Женщина-амазонка, какая-нибудь храбрая Брадаманта{2} в поэме, может

быть не больше как смешна, но в действительности она существо в высочайшей степени отвратительное и чудовищное; мужчина с женоподобным характером есть самый ядовитый пасквиль на человека.

Tout est bon, tout est bien, tout est grand à sa place! [3]

Жизнь человеческая есть не сон, не мечта, не греза; цель ее не наслаждение, не счастье, не блаженство; нет, она есть великий дар провидения. Безумный хватается за этот дар, как за игрушку, и легкомысленно играет им, как игрушкою; мудрый принимает его с покорностью, но и с трепетом, ибо знает, что это есть драгоценный залог, который он должен будет некогда возвратить в чистоте и целости, что это есть тяжкий, страдальческий крест, наградю которого будет терновый венец и чувство исполненного долга. Выразить достоинство человеческое, проявить в себе идею божества – вот назначение смертного, и вот почему, вследствие справедливого закона вечной премудрости, сила заключается в слабости, величие – в ничтожестве, бесконеч-

ность – в ограниченности, и вот почему скудельный, волнуемый своекорыстными страстями сосуд человека может быть жилищем духа святого. Без борьбы нет заслуги, без усилий нет победы. Два пути ведут человека к его цели: путь *разумения* и путь *чувства*, и благо ему, когда они оба сливаются в пути *деятельности*! Безгранично поприще деятельности для мужчины: едва сознает он свое бытие, едва почувствует свои силы, и ему, юному жителю мира, весь мир отверзает свои сокровища и, покорный могуществу его мысли, предлагает все орудия, какие нужны ему для совершения его подвига. Если он чувствует в груди своей тревогу гения, если во внутреннем слухе души его раздается какой-то таинственный зов, манящий его, подобно колокольчику Вадима{3}, в туманную, неизведанную даль, – он пером, кистью, резцом, звуками вызывает из души свои новые миры, полные жизни и очарования, или углубляется в природу, допытывается ее тайн и сообщает их людям в живом знании, или властвует ими, для их же блага, мечом, волею, делом и словом. Если же природа и не дала ему гения, то

и тогда обширно его поприще, велико его назначение: ему остается честным, бескорыстным трудом, благородным презрением личных выгод, готовностью самопожертвования в деле правды водворять добро в том малом и тесном кругу, который назначило провидение для его деятельности, по мере его душевных сил. Кто не может быть маркизом Позою, тот может быть Феликсом Неффом:[4] ибо сила – в бессилии, величие – в ничтожности, бесконечность – в ограниченности, ибо *овому талант, овому два*{4}, а дело в том, чтобы не закопать в землю своего таланта, но возвратить его вертоградарю с ростом. Тот подл, кто берет на себя труд выше сил своих или, обольщаясь ложным блеском, идет наперекор врожденным склонностям и дарованию; величайшая мудрость состоит в смиренной покорности своему назначению. Кто противится ему, тот бунтовщик против вечных и справедливых законов провидения. Если тебе едва под силу должность секретаря в каком-нибудь суде уездного города, не лезь в губернаторы, хотя б ты и имел возможность добиться этого места, но предоставь его достойнейше-

му себя; если природа осудила тебя на смиренную прозу деловых бумаг и приходно-расходных книг, то занимайся же честно и добросовестно этою бедною прозою, а не надевай на себя, подобно самозванцу, венка поэта, хотя бы ты и мог сделаться предметом удивления не только для своего муравейника, но и всего современного человечества и коварно выманить у него незаслуженные лавры: тогда ты будешь велик, истинно велик, будучи малым и неизвестным. Найдешь и без того средства быть полезным и свершить свой подвиг, было бы стремление, а мир и жизнь бесконечны!

Итак, целый мир есть открытое поприще деятельности мужчины; целый мир есть его владение; какое же поприще, какой же мир отдан во владение женщине?

Как бы ни тесен, как бы ни ограничен был круг деятельности, избранный мужчиною, но всякая сознательная деятельность есть путь к свершению подвига жизни, а подвиг жизни равно для всех тяжел и ужасен. Но правосудное и любящее провидение божие, возложив на человека бремя его жизни и подвига, разо-

чло и взвесило силы его человеческой природы и, в сем намерении, дало ему новый, вне его самого находящийся, источник силы в той таинственной симпатии, в той высокой душевной гармонии, в том чистом, эфирном пламени любви, которое соединяет его с женщиною. Женщина – ангел-хранитель мужчины на всех ступенях его жизни: ее бдящий, попечительный взор встречает он при самом своем появлении на свет, и, прильнув к источнику любви и жизни, к ней обращает он с бессознательною любовью, свою первую улыбку; ее имя произносит он в своем первом, младенческом лепете; ее любовь напутствует его до самого того мгновения, когда жизнь исторгает его из ее нежных, материнских объятий; потом, ее взор возбуждает в нем, необузданном юноше, пламень благородных страстей, порывы к высокому в делах и помыслах, крепит его душу, кипящую избытком сил, и укрощает дикие порывы его буйной воли и его, юного, мощного льва, бессознательно стремится с удвоенною энергиею к его цели, маня сладостною наградой своей взаимности – этим последним, возможным

на земле блаженством, после которого человеку ничего не остается желать для себя. И какая нужда, если смерть или обстоятельства жизни не дадут ему выпить до дна фиал блаженства, или, если, вместо чар взаимности, он вкусит муки отверженной любви?..

Но если мужчине суждено и блаженство взаимности и блаженство соединения, то *она* же, все *она*, в годах его мужества, путеводная лучезарная звезда его жизни, опора, источник силы, который не дает душе его остынуть, очерстветь и ослабнуть. В старости она бледный луч солнца, напоминающий ему, что для него было некогда другое, яркое и пламенное солнце, роскошно освещавшее дорогу его жизни и давшее ему все человеческие радости!..

Итак, поприще женщины – возбуждать в мужчине энергию души, пыл благородных страстей, поддерживать чувство долга и стремление к высокому и великому – вот ее назначение, и оно велико и священо! Для нее – представительницы на земле красоты и грации, жрицы любви и самоотвержения – в тысячу раз похвальнее внушить «Освобож-

денный Иерусалим», нежели самой написать его, так же как в тысячу раз похвальнее вручить своему избранному щит с заветом «*с ним или на нем!*»{5}, нежели самой броситься в пыл битвы с оружием в руках. Утешительница в бедствиях и горестях жизни, радость и гордость мужчины, она – гибкая лоза, зеленый плющ, обвивающий гордый дуб, благоуханная роза, растущая под кровом его могучих ветвей и украшающая его уединенную и суровую жизнь, обреченную на деятельность и борьбу. Предмет благоговейной страсти, нежная мать, преданная супруга – вот святой и великий подвиг ее жизни, вот святое и великое ее назначение! Природа дала мужчине мощную силу и дерзкую отвагу, мятежные страсти и гордый, пытливый ум, дикуую волю и стремление к созданию и разрушению; женщине дала она красоту вместо силы, избытком нежного и тонкого чувства заменила избыток ума и определила ей быть весталкою огня кротких и возвышенных страстей: и какая дивная гармония в этой противоположности, какой звучный, громкий и полный аккорд составляют эти два, совершенно различ-

ные, инструмента! Воспитание женщины должно гармонировать с ее назначением, и только прекрасные стороны бытия должны быть открыты ее ведению, а обо всем прочем она должна оставаться в милом, простодушном незнании; в этом смысле ее односторонность в ней достоинство; мужчине открыт весь мир, все стороны бытия.

Что же такое женщина-писательница? Женщина имеет ли право и может ли быть писательницею?

Прекрасны изображения Сафо и Коринны, прекрасны, как поэтические грезы, как создания фантазии; но что такое они в самом деле? Амазонки, Брадаманты, *академики в чепцах, семинаристы в желтых шالях!*{6} Уму женщины известны только немногие стороны бытия, или, лучше сказать, ее чувству доступен только мир преданной любви и покорного страдания; всезнание в ней ужасно, отвратительно, а для поэта должен быть открыт весь беспредельный мир мысли и чувства, страстей и дел. Знаем много женщин-поэтов, но ни одной женщины-гения; их создания недолговечны, ибо женщина только тогда по-

эт, когда любит, а не тогда, когда творит. Природа уделяет им иногда искру таланта, но никогда не дает гения: Коринна побеждала Пиндара на играх олимпийских, но Пиндар победил Коринну в потомстве, ибо потомство рукоплещет созданию, а не творцу, и его не подкупишь роскошью стана, прелестью лица! И вот почему, когда читаешь произведение женщины, дышащее живым, неподдельным чувством, блещущее искорками таланта, то невольно жалеешь, думая, чем бы могла быть такая женщина и на что бы могла обратить прекрасный дар природы – пламень своего чувства.

Женщина должна любить искусства, но любить их для наслаждения, а не для того, чтоб самой быть художником. Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женою и матерью, ибо *самолюбие* не в ладу с *любовию*, а только один гений или высокий талант может быть чужд мелочного *самолюбия*, и только в одном художнике-мужчине эгоизм *самолюбия* может иметь даже свою поэзию, тогда как в женщине он отвратителен... Словом, женщина-писательница с та-

лантом жалка; женщина-писательница бездарная смешна и отвратительна.

И должно ли, и может ли это оскорблять женщину? Все прекрасно и высоко в пределах своего назначения, и все должно гордиться и радоваться своим назначением, ибо оно есть воля провидения. Кто в юности не почитал себя поэтом, кто избытка чувств не принимал за пламень вдохновения, кто не писал стихов? Эта слабость прощительна в мужчине; но и он смешон и презрителен, если назло рассудку и вопреки природе, грех своей юности сделает грехом своей жизни, ибо в таком случае он есть самозванец, бунтовщик против вечных уставов провидения. Что ж должно сказать о женщине?..

Но мое отступление уж чресчур длинно и, вероятно, также и скучно, а все оттого, что я не люблю женщин-писательниц! Бог с ними! Обращаюсь к прерванной нити моего рассуждения. Я остановился, помнится, на том, что во Франции женщины-писательницы с особенным ожесточением восстали на брак. Нужно ли говорить, чего хочется этим жен-

щинам, чего добиваются они? Если бы еще они увлекались ложными, но поэтическими идеями о добреньком старичке платонизме или не менее ложными и не менее поэтическими идеями об отречении от всех человеческих чувств и принесении их в жертву какой-нибудь задушевной мысли, – так и быть! Но нет, очень понятен этот *сен-симонизм*, эта жажда *эманципации*: их источник скрывается в желании иметь возможность удовлетворять порочным страстям...{7} Une femme émancipée[5] – это слово можно б очень верно перевести одним русским словом, да жаль, что его употребление позволяется в одних словарях, да и то не во всех, а только в самых обширных. Прибавлю только то, что *женщина-писательница*, в некотором смысле, есть *la femme émancipée*.

Но какая причина тому, что писатели стали так восставать против брака? Причина очевидна: они не умеют отличить идеи брака от злоупотреблений брака. Люди все опрофановали; они торгуют своими чувствами, совестью, они из брака, одного из священнейших установлений, сделали род торговой

сделки, и, надо сказать правду, ничто так не пострадало от злоупотреблений развращенной человеческой воли, как брак. Но довольно: нет ничего смешнее и глупее, как с важностью доказывать, что $2 \times 2 = 4$. Но, скажут многие, каковы же должны быть все эти люди, которые отвергают святость и необходимость брака? Не истинные ли они чудовища? – О нет, милостивые государи, я совсем не так думаю о них. По моему мнению, многие из них, может быть, очень добрые и почтенные люди, даже способные сделаться хорошими супругами и отцами: отличайте преувеличение от злонамеренности. Яростная волна подмывает песчаный берег и с бессилием разбивается о гранитную скалу; для сомнения также есть свои песчаные берега, свои гранитные скалы. Не бойтесь за брак, не страшитесь *эманципации* женщин: все это вздоры довольно милые и забавные, но нимало не опасные. – Но какая же польза от этих новых мнений, этих безнравственных филиппик против вековой, очевидной истины? О, очень большая! Знаете ли что? У людей преслабая память; они находят истину и следуют ей; по-

том эта истина, по их похвальному обычаю, мало-помалу искажается и наконец делается совершенною ложью; люди привыкают к ее искаженному, обезображенному виду, от души веря, что она всегда была такова; когда какой-нибудь беспокойный чужак посмеется над их истиною, они рассердятся, начнут ее защищать, подвергнут ее строгому анализу и доищутся до ее начала, и вспомнят ее в ее первобытной чистоте. Споры кончатся, и истина восстановится во всем своем блеске. Итак, заключаю: «Провидение ведет человечество к его цели путями дивными и таинственными; часто то самое, что, по-видимому, должно бы отдалить его от этой цели, приближает его к ней: *это попятные движения вперед*».

Да – может быть, уже недалеко то время, когда люди не только перестанут вооружаться против брака, но перестанут и торговать им; когда женщины не только перестанут авторствовать, но даже перестанут и верить тому, чтобы когда-нибудь существовали женщины-писательницы!..

А что же мой роман, что моя «Жертва»? Где она, я уже и забыл о ней, увлекшись мыслями, которые она во мне возбудила. Или, лучше сказать, что скажу я вам о ней? Как выскажу я вам в сотый раз давнишнюю, старую новость? Но делать нечего, не рад, а готов – охота пуще неволи. Итак, извольте видеть: «Жертва. Литературный эскиз» есть одна из тысячи и одной филиппик против брака. Дело в том, что злодей-опекун влюбляется в свою племянницу и волочится за нею, а сиротка была девушка *comme il faut*[6], да к тому уж и любила другого. Дядюшка остался с носом и взбесился. Чтобы отомстить ей, он выдает ее насильно за негодяя, который ничему не верит, проматывает ее имение и делает ее несчастною. Да зачем же она выходила за него? – спросите вы. Разве во Франции нет законов против насилия? О, есть, и очень справедливые, даже очень снисходительные в отношении к свободе выбирать и переменять мужей и жен. Так в чем же дело? А вот в чем: девушка была слабого характера, не посмела противиться ненавистному дяде, хотя и знала, что имеет право не слушаться его, да

автору надо было как-нибудь прицепиться к браку, хоть он тут не виноват ни душою, ни телом. В самом деле, прекрасная логика! Девушка погибает от слабости характера, а брак виноват! Но довольно, роман так плох, так дурен, что не стоит ни критики, ни внимательного рассмотрения. Мадам Монборн не имеет ни искры дарования и, вероятно, во Франции пользуется таким же авторитетом, как у нас на Руси г-да А. В. С. Д. и другие прочие. Не знаю, с чего вздумалось какому-то г-ну или какой-то г-же Z.... перевести этот роман на русский язык, как будто бы на Руси и без него мало дурных романов; еще менее понимаю, с чего этому таинственному г-ну или этой таинственной г-же Z.... вздумалось перевести его самым безграмотным образом, одним словом, самым *московским* переводом. Верно, это *заказец* какого-нибудь московского Лавока?.. Не угодно ли вам полюбоваться фразеологиею литературы толкуна и Смоленского рынка? «Обожая свою страну, любовь к отечеству сделалась страстью его пламенной и чистой души. – Слушаю, сударь! говорит бедный кучер, немного разуверенный (верно, rassure,

то есть успокоенный?) сими словами. – Поди разузнай (разведай?) в этом доме о молодой и хорошенькой, которая там живет. – Видя ее такую, непостижимое предчувствие говорило всем сердцам», и пр. Кажется, довольно? Г-н или г-жа Z.....! Если уже вам нельзя не переводить, то, бога ради, переводите романы только вроде этой «Жертвы» и не делайте хороших сочинений «жертвами» вашей безграмотности!..

Сноски

1

См. «Телескоп» 1834. Часть XXIII, стр. 249{8}.

[^^^]

2

задняя мысль (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

3

Все хорошо, все прекрасно, все важно, но на своем месте! (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

4

См. «Телескоп» год 1834. Часть XX, стр. 485{9}.

[^^^]

5

Эмансипированная женщина (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

6

порядочная (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

В повести Жанлис «Женщина – автор» Доротея говорит своей сестре Эмилии, ставшей писательницей: «...Не печатай никогда сочинений своих... Истинная героиня есть добродетельная мать и супруга» («Повести госпожи Жанлис, переведенные Н. Карамзиным», изд. II, ч. II. 1816, с. 10–11).

[^^^]

2

Брадаманта — персонаж поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд».

[^^^]

3

См. прим. 58 к «Литературным мечтаниям».

[^^^]

4

Евангелие от Матфея, 25, 15.

[^^^]

5

Обращение спартанской женщины к своему сыну-воину, переданное Плутархом (в книге «Изречения лакедемонянок») и ставшее крылатым выражением.

[^^^]

6

Ср. «Евгений Онегин», гл. третья, строфа XXVIII.

[^^^]

Данное высказывание типично для Белинского, который в 30-е гг. отрицательно относился к утопическому социализму и, в частности, к учению Сен-Симона. Но в начале 40-х гг. «идея социализма» стала для Белинского «идеєю идей, бытием бытия» (см. его письмо к В. Боткину от 8 сентября 1841 г.).

[^^^]

В упомянутой Белинским книжке «Телескопа» под рубрикой «Знаменитые современники» помещена статья «Александр Дюма» (из «Revue des Deux Mondes»). На странице, на которую дана отсылка, начинается разбор драмы Дюма «Антони», представляющей, по мнению автора статьи, покушение на священный институт брака. «Дюма, жрец страсти, создал идеальный апотеоз прелюбодеяния – Антони».

[^^^]

9

Здесь помещена статья «Феликс Неф» (из «Foreign Quarterly Review»). Статья рассказывала о просветительской и филантропической деятельности священника Ф. Нефа среди крестьян Верхних Альп во Франции. В тексте «Молвы» ошибочно напечатано: Феликс Фен.

[^^^]

[^^^]